ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
№ 5(259) – 2018

ПОЭЗИЯ ВЕСНЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

Какие ещё гексаграммы?

Татьяна РЕБРОВА

* * *

Всё, чем цивилизация престиж
На виртуальной кухне обеспечит,
Что обесточит личность, что лепечет
С прищуренных экранов и афиш,
С их кукишем
в кармане
как
простишь?

Ну как простить,
коль и во сне я жмусь
К дубью крестьян двенадцатого года,
И светят пруд, рябина, серый гусь
Из формул генетического кода.

Здесь и великим прихотям души
Нельзя пожертвовать её же честной
Работой в прошлом,
часто неизвестной
И проданной в музеи за гроши.

Ком времени летит незрим,
ну что в нём
Есть, кроме нематерьяльных чисел?
И лишь крестясь на хвост кометы,
вспомним,
Что даже и юродивые смысл
При нём являют,
и, как с эшафота,
Схожу помилованной
с выцветшего фото.

АРТЕФАКТ

Чтоб смыть ошмётки неба с каблука
И с чопорных подолов облака,
Кидаться в омут и вещать, что хляби
Небесные разверзлись, дурака
Увековечить, в транс ввести века
И богословье вывесть из курьёза…

Как реверанс, её поклон
Создателю, и, как флакон
Из-под её духов,
та роза,
Что уносила, изгнанная вон.

* * *

И всё же оправданным будет
Любивший меня,
И ветры остудят
Прекрасную гриву коня.

Тревожные люди по степи
Раскинут шатры,
И чёрные стебли
До крови закусят костры.

И белые кудри на алых
Широких плащах,
Как свечи в подвалах
И профили роз на вещах.

И ПУПОВИНА МЛЕЧНОГО ПУТИ

Я стою, необута,
И запутавшись будто
В складках юбки, в своей судьбе.
Уговариваю: не майся,
За углом иль орбита Марса
Иль дорога к его избе.

Сквозь эп чёрных дыр, не одну
Я одна во все измерения
Враз пройду,
как листва осенняя,
Без числа – решай уравнения,
Где, как брошенный камень ко дну,
В мирозданье уйду, в сновидения,
К Соломоновым копям, к рядну
Рыбарей Гефсиманского бдения.

ФИЛЬМА

Но всё,
что с ним потом происходило,
Ей снилось и заранее причём.
Она стояла за его плечом,
Когда он спал,
боясь проснуться рядом
И встретиться
с его холодным взглядом:
– Роман, что длился несколько минут,
Окончен он. Что Вы забыли тут?
– Ошиблась дверью.
И судьбой?
– Бывает.
Вас проводить?
– О, нет! –
И забывает
Свой адрес, телефон, и как её зовут,
И дождь серебряный
следы её смывает.

* * *

Какие ещё гексаграммы?
Каляка-маляка
Проклятья и сглаза,
что зависть послала вдогон
Судьбе, неприкаянный знак Зодиака
Срывая с неё,
словно звёзды с погон.

О, Небо!
Мы жаждем знамения, знака,
Вздыхают волы,
и слюдой блещет грот.

Ну, циферки лет наших, наоборот
Бегите же к деревцу
в дождике русском,
Где нам поцелуи, как яблоки, рот
Оскоминой сводят –
ни вдов, ни сирот –
И выжить бы в ночь перед пуском.

* * *

Ну вот, все варианты взбучек
Избыв, и место, и момент,
И даже древний комплимент
Вдруг совпадут – замок и ключик.

В одну и ту же дверь войдём,
И осыпаясь вечерами,
Пусть розовыми лепестками
Засыплет окна тихий дом.

* * *

Судьба же болотным
Родиться цветком,
Птенцом перелётным
Над воротником,
Неволей, недолей,
Святою водой…

Возьми с антресолей
Хоть профиль худой.
В сочельник он тайно
Был выманен свечкой
Из пыльного зеркальца,
розою чайной
Украшенного,
где казался насечкой,
Щербинкою,
вензелем встречи случайной.

* * *

Дожди мои осенние,
Вы вновь моё спасение
Под шорох ваш в Мирах,
Что веют в зеркалах,

Вздымая их, как шторы,
Все случаи счастливые
Проснулись, как в грибах
Невидимые споры.

И вновь священно действо
Безумия, божбы,
Смиренной ворожбы
Помады, пудры, шёлка…
Лихое лицедейство,
Наивная заколка.

Все зеркала,
что в доме,
Пасьянс на исполненье
Желания,
но кроме
Дам никого.
Приснись!
Бессонница.
Нет шанса
У этого пасьянса
Однажды не сойтись.

* * *

Хоть против судьбы наши слёзы,
хоть за,
Москва им не верит,
но эта слеза,
Весь Мир отразившая, а не острог,
Вот-вот станет лужей у ваших сапог.

Фортуна взбесилась
и в чудо впал Бог.
О, шанс идиота! Сходите с ума.
Не знаете как?
Но заразна чума
Чужих неудач.
Перекрёсток дорог
Иль крест выбирайте.
Да с чем ваш пирог?
Да ваше ландо для меня хуже дрог.

Слезою сморгну этот мир,
где живые,
Как сдача с ушедших,
как их чаевые.

* * *

Ах душа, и сама
серебром лунным брызни,
Приоткрою лишь память,
как чёрный футляр,
И его драгоценной слезы адуляр
Не смахни в сновиденьях
со лба нашей жизни.

На подножке у вечности
ты без билета не висни,
Ведь ко мне на неделе
закончит письмо Абеляр.
Мы с тобою всегда и везде,
как созвездья и слизни…
У себя на запястьях
голубой капилляр
Бог нащупал – то мы,
наши прыгалки детства,
ну свистни
По-мальчишьи, шалунья,
и, плача, на крышке часов
поцелуи
губною помадой оттисни.

* * *

Степь вокруг – как море в непогоду –
Ветра шум в ушах,
волненье диких трав.
Воспевал нерусскую свободу
Здесь Чингиз
и был, наверно, прав.

Но ни вой волков вблизи улусов,
Ни стрелой отмеченная грудь,
Не остановили странных русов,
Бившихся не за смерть, а за суть.

И пока воинственные ханы
Уводили женщин их в полон,
Степь сама залечивала раны –
Поле битв среди ковыльных волн.

Я смотрю на грозовые вспышки
На границах родины моей,
Кое-где ещё маячат вышки
Нехотя закрытых лагерей.

Боль тысячелетий, словно мета
Ощутима до сих пор в груди.
Вместо бус росток в золотой смоле?
Мол, в подарок дали степные сосны,
Хоть и нет таковых на всей земле.
И пришлось мне,
выйдя на босу ногу,
В предвечерний сад
с молодой травой,
Посадить в песок сию недотрогу,
Да поить из чарки водой живой.
Не гналась за славой, стихи и дочки
Подрастали в соснах среди чудес,
Где шептались ночью цветы и почки,
И река Времён обтекала лес.
Он привык к невзгодам –
судьба такая.
Достаётся трудно ему вода.
Но от корня к корню перетекая,
Смыслословом делится он всегда.
Вот и я на склоне плывущей Леты
Вижу, как из тьмы подползает сушь,
Как силён в поспешности –
есть приметы –
Древоточец сосен и мелких душ…

* * *

Стихи писать, когда кровавая,
Обожествлённая в примете,
Луна висит над переправою,
Последней, может быть, на свете.

И кто читать их будет вечером,
И, перепроверяя каждое
В блокнотике, дождём помеченном,
Запоминая с горькой жаждою
Всё, что сегодня
мне
услышалось,
Столбцами
слов
ко тьме
взыскующих…
А голуби
гудят
под крышею,
Примет
не зная
существующих.

Но тень того огня таится…

Наталья КОЖЕВНИКОВА

И поёт протяжно с минарета
Невиди*м*ый глазу муэдзин….

* * *

Вот привидится
невесть что в полусне –
Я опять в середине прошлого века.
Репродуктор шипит на белой стене
О кончине великого человека.
На чердак убирают святые лики,
Вдруг найдет проверяющий
в них крамолу.
Поздней ночью
единственной свечки блики
Освятят обряд вопреки комсомолу
И во славу пасхальному чуду…
Правда,
крестиков на груди не носили.
Но сказал же Поэт,
что Бог – повсюду,
А не только в углах
висит в бессилье…
Во дворе расцветают белые кашки,
И на бабушкиных пяльцах они же…
Время вышло,
ни дна ему, ни поблажки.
Только странно –
оно мне всё ближе, ближе…

ИЮЛЬ

Гром за рекой грохочет,
В небе же благодать.
Это июль не хочет
Землю в яйцо скатать.
Это проходит Бунин
Между цветов и трав.
Это летит, бездумен,
Шмель на его рукав.
Время стоит у Леты,
Зноем звенит лазурь,
Нет ни одной приметы
Будущих гроз и бурь.
Вышит вновь васильками
Лета летящий след.
Это за облаками –
То ли звук, то ли свет…
Это июль-поэт
Заговорил стихами.

СТЕПНЫЕ СОСНЫ

И зачем привёз
мне однажды крёстный

ТЕНЬ ОГНЯ

Раскинуть руки и бежать –
такая даль!
В открытом небе
чёрный крестик птицы,
Гул ветра… Степь! И вечная печаль
В сухом полынном воздухе струится.

Вчера прошёл
здесь пришлый человек,
Как ветер, равнодушен и беспечен.
Окурок бросил и ушёл навек.
Искра взлетела –
путь был бесконечен!

Вал огненный ветра потом вели,
Рой бабочек, сгорая в нём, метался,
И только клин обугленный земли
За ним под небом родины остался.

Полярен мир и силы неравны.
Вот человек прошёл,
и след за ним дымится.
И пусть дожди идут на полстраны,
Но тень того огня в траве таится…

ПАМЯТЬ

Слышишь топот копыт
и гортанные крики?
Видишь зарево алое издалека?
За окном проплывают опять в облака
Тени предков убитых,
неясные, светлые блики.
А за ними летят –
сердце вздрогнет невольно –
Островерхие всадники ночи и зла.
В страхе прячет звезду
в свой подол полумгла,
Не успеет их встретить
набат колокольный.
Вот один настигает уже,
вот нагнулся...
Вскрикнешь – Господи, чудо яви!
Это генная память клокочет в крови,
Это красной луны
вдруг зрачок содрогнулся...
И проснешься от ужаса
в смятой постели,
Створки окон рванёшь –
это бред и обман!
И увидишь –
внизу распустился тюльпан,
Там, где капли кровавые
ночью алели...

ПЕТЕРБУРГ

Лёсе

Осенний ветер попал впросак
Среди прохожих и птичьих драк,
И пошевеливает слегка
Кудряшкой у твоего виска.
Рисует, словно в забытом сне
Тень Ангела на пустой стене,
Подвядший кадмий сырой травы,
И возле ног – серебро Невы.
Её характер совсем не прост,
И бронзовый лев поджимает хвост,
Сквозняк сентябрьский
и хмарь браня.
Темнеет быстро на склоне дня.
Не знаю, свидимся ли опять –
Река то в море плывёт, то вспять.
Валун у дома бросает в дрожь,
Вот-вот сорвётся с обрыва в дождь.
И лишь Атланты стоят во тьме,
Любовь и вечность держа в уме.

ПРОГУЛКА

Вниз, вниз с небес по переулку,
Пропахшим солнечным туманом,
Где нашу летнюю прогулку,
Смеясь, не назовут романом.
Туда, где в чаще из крушины,
Из розового полусвета
Живёт предчувствием вершины
Анапест Бунина и Фета.
Где вылупится из печали,
Как из яйца, цыплёнок счастья.
Да что же птицы замолчали? –
Ты молча сжал моё запястье.
И солнце на кленовой ветке
Повисло праздной паутиной
Над шмелем в палевой розетке,
Над всей июльскою куртиной.
Как долго этот миг продлится –
И свет, и тень, и зной палящий?
Позволь мне плакать и молиться,
Привыкнуть к радости молчащей…

И всё – бежать бы без оглядки,
Забыть и день, и миг случайный,
Слова и слёзы в беспорядке
Разрыв-траве отдать печальной!

…Не смог и ливень, вероятно,
Пройдя стремглав по переулку,
Забыть ту летнюю прогулку,
Ушёл на цыпочках обратно.

Где ж эта конница?

Карина СЕЙДАМЕТОВА

* * *

Белоствольный
березняк
И ветра,
и листва...
Выйдешь
в утренний
сквозняк
Постоять
однова,
Речку-речь, увы,
не поворотишь вспять,
Даже став
лихим властителем стихий.
...Остаётся тихо повторять
Речи, облечённые в стихи...

ОТЦУ

Отжил и отлюбил.
Слова горьки и лживы...
Подышать лесной травой
Всех понять, всех простить.
Промелькнёт над головой
Стая птиц, стая птиц...

Птицы, милые мои,
Не бросайте меня,
От любви и до любви
Утешитель – сквозняк.

И куда лежит ваш путь?
В небеса-миражи?
"Мы летим куда-нибудь,
Не зови, не держи, –
Из страны "куда-нибудь"
Рвётся птичье "курлы".
– Отпусти нас, позабудь,
Мы, как память, светлы,
Мы в стране "когда-нибудь"
Повстречаемся вновь.
Чтоб крылами всколыхнуть
И тоску, и любовь.
Молодому сквозняку
Оставляем тебя:
Утешайся на веку,
Оставайся, любя!..
Светлому березняку
Мы тебя отдаём.
Белоствольную тоску
Не зови забытьём".

Сколько человечьих слёз
Не в упрёк, не во зло
Соком берегинь-берёз
В вечности утекло…

* * *

Речи-речки затянуло хрустким льдом,
Но одна не замерзает никогда!..
В ней мирской
незримой волей и трудом
Оживает даже мёртвая вода!

Неуёмной, тёмной речки водобой
Отхлестал вразлёт крутые берега.
А зовётся эта реченька – судьбой,
Потому-то кровно нам и дорога.

По колдобинам,
истоптанным насквозь,
К ней приходит люд,
как в родный дом.
Мимо жизнь идёт-бредёт
вкривь и вкось,
Суетным своим, порожним чередом.

Речка-речь, одна несуетно горда,
Вновь влечёт тебя, уводит за собой...
Кто же ты тогда, откуда и куда,
Грустным-грустный,
незадачливый герой?

Где блукал-искал спасения души,
Или жаждал отпущения грехов...
Молча сядь на берег речки,
не спеши,
Только вслушайся в журчание веков.
Ты памятью храним,
Но нет! Не умер ты, –
Священник говорил:
"У Господа все живы!
И все равны пред Ним
У роковой черты...".

Всемилостив Господь
Отцову душу примет,
Но капельки дождя –
Что пули из свинца...
Град силится сколоть
Отца земное имя,
На мраморе найдя
Черты его лица.

Отец мой, ты живой!
(У Господа все живы...)
Мне голубь весть принёс,
Что ангел вострубил...
...Я выпью дождевой
Воды миролюбивой
И вспомнится до слёз,
Как ты меня любил!..

СНЕГ

Всё-то ты приемлешь,
Русский человек!..
...Снег целует землю.
Белый, белый снег.

Почитай, всю зиму
Он идёт, идёт,
Неостановимый
Белоснежный лёт…

Вдоль домов высотных,
Вдоль озёр и рек…
Вот и ты – босота –
Божий человек

В тот ноябрьский вечер
Белым снегом став,
С ним ушёл далече,
"Смертью смерть поправ".

Ты теперь прохожий,
Ты теперь – снега…
У тебя под кожей
Колкая пурга.

Ну, а если в зиму
Снега намело –
Это, чтоб могли мы
Просто и светло

Вспоминать, приемля
Грусть земных сердец:
Снег целует землю.
Снег… и мой отец.

ВОЛЬНИЦА

Ясному солнышку
в пояс поклонится
– Здравствуй, родна сторона! –
Вольница-воля,
степная бессонница,
Заревом алым пьяна.
Только подмога царю,
не поклонница,
Вихри в шальной голове.
Скачет твоя оголтелая конница
И атаман во главе.

Это тюльпаны горят или кровушка
Светит в степях-лихачах,
Где казаченьки,
лихие головушки,
Солнце везут на плечах.

Где ж эта конница,
где ж эта вольница?
Канула в вечность стремглав?
Иль обживает первопрестольницу,
Шалых коней расседлав?

Ты и раздольная,
ты и раскольная!
Шашки рядить наголо,
Чтоб на форпостах небес,
своевольное,
Русское солнце взошло.

* * *

Этот ветер не сдержит никто!
Он корёжит родимые ветки,
И на пугале треплет пальто.
И ревёт над могилами предков.

Он деревья от века ломал,
По дорогам пускал чернозёмы,
У Господнего древа дремал,
И снега раздувал до позёмок...

В малых весях,
в больших городах,
От кочующей ярости светел,
Обрывая листву на ветвях,
Голосит и бесчинствует ветер.

Пальтецо продувая насквозь,
Он пугает понурых прохожих,
Разоряет рябинную гроздь,
И озноб разгоняет по коже.

Одичалому ветру хлестать
И заламывать ветки до хруста...
Ведь ему никогда не приять
Чувство родины – тихое чувство.

Потому в человечьих дворах
Кровь рябин и кропит бездорожье,
Что живём не на стылых ветрах –
Что согреты дыханием Божьим!..

* * *

Победительно вскинулись флаги.
Ворочайся из греков в варяги.
Мы, кто древним путём парусили,
Удивляемся – плач по Руси ли?

Мы сиянье златой Византии
На посконную Русь возвратили.
Гордый греческий звон колокольный
Раскрылялся по Первопрестольной!

...Сотни лет миновало и ныне
Мир торгует прибытка во имя,
Не во имя Христа и Аллаха, –
Ради доллара всходит на плаху.

Век товаров по сниженным ценам,
Гуляй-поле –
где ложь, там измена.
Где там вере, любви и надежде
Отверзать утомлённые вежды?

Только б помнили чаще мы сами,
Что, рождённые под парусами,
Привозили из давешних странствий
Мы не столько табак или пьянство,

А заморским путём парусили –
Ради Бога, а значит, России!

* * *

Ночь зашили в шкуру волка,
Чтоб травить собачьей сворой.
И ветра, затвором щёлкнув,
Выносили приговоры.

Обозлившись, громко лая,
Надрываясь по отвесам,
Не смогла настигнуть стая
Ночь, владеющую лесом.

Ночь насыщена эфиром, –
Не гоняется за правдой.
Если ночь – прощанье с миром,
То испей всю правду яда.

Мы давно лишились рая,
Наши ангелы в изгнанье.
Плывущая свобода сна
Ласкает лошадиной мордой.

Из-за воды не видно лип.
Дождь на стекле оставил точки,
Издав последний лёгкий всхлип,
Наполнив водяные бочки.

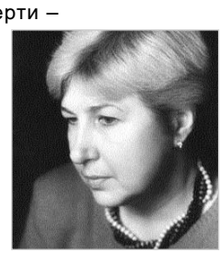
Возможно, улетает в сны
Всё недосказанное нами,
Всё, что беспечнее весны,
И размывается дождями.

* * *

Не гони к дому, ветер зари,
Эти тучи
с ночным переливом,
В день пустой размолвки
Обнажив клыки.

Патиной столетья
Станет седина.
Мышеловка смерти –
Смертным
не видна.

Мёртвая
натура –
Камни
и кресты.
Загрунтует
утро
Окна,
как холсты.



Какие вторники настали…

Ольга ДЬЯКОВА

И, возможно, жизнь иная
Существует лишь в сознанье.

Но светила не сдаются,
И не требуют открытий.
Это люди в холод жмутся,
Чтобы не сойти с орбиты.

Не пугает ад лубочный
После жизненной картины.
Движется планета-точка,
Умножая величины.

* * *

Половина жизни
На моих часах.
То, что не сложилось,
Проживу в стихах.

Затенённость комнат,
Во весь рост портрет.
На руке застёгнут
Яшмовый браслет.

Тот, кто предназначен,
Всё равно придёт.
Звёздами оплачен
Наш любовный счёт.

Чьих-то душ пустыни
Выпьют мой покой.
Древних Абиссиний
Представляю зной.

Ветер полон жизни,
Как твоё лицо.
Листопад мне вирши
Бросил на крыльцо.

Мимо жизнь со смертью
Под руку прошли,
Обнулив столетье
Праведной земли.

* * *

В окне погас последний свет,
Повисла полночь нелюдимо.
Мне до печалей дела нет –
Не влюблена,
и не любима.

Заклятый дождь в моём окне
Пронзает жизнь по вертикали.
Ты повернул лицо к стене,
Чтоб не смотреть в глаза печали.

Заходит сумрак со спины,
И тень не делает поблажки.
Среди нависшей тишины –
Звон разбивающейся чашки.

Ветров проносится волна,
Несущая чужие скорби.
На меня заключая пари
С убывающим днём торопливым.

Долго бредила жаждою слов
Я, в твои палестины пускаясь.
А всемирного Логоса зов
Продолжал покорять древний хаос.

Словно ларь открывая ключом,
Нахожу потаённые притчи.
Будто тонким владею лучом,
Направляемым в сторону клича.

Я умею удерживать сны,
Что роятся на уровне знанья, –
Приоткрытые створки страны,
Уголки моего состраданья.

Век расправился
с жизнью людской,
Выбивая прикладами двери,
Достигая границы донской,
Не восполнив провалы потери.

Неприкаянный ветер, замри,
Не гони эти тучи с востока.
Мне достаточно русской хандры
И славянского вещего рока.

* * *

В окне чернела ветка,
Как вектор хмурых дней.
Еловая соседка
Тянула иглы к ней.

Вошла стихов заноза
В грудь с левой стороны.
А справа тянет проза
Нервишки со спины.

Чем дальше, тем опасней
Становятся слова.
Ветшает в декадансе
Последняя листва.

Ревнивый голос резкий
Остудит навсегда.
Египетские фрески
Приснятся в холода.

На небе божий мастер
Устроит выходной.
И загорится Кастор
Всего одной звездой.

* * *

Покидает осень
Прежнее жильё.
Напоследок спросит –
Что же здесь моё?

Рыщут волны-волки
Бешеной реки,
И библейской притчей
Расцветёт рассвет.
Я словесной пищи
Пробую щербет.

Росписи над домом
Пишут облака.
Колокольным звоном
Проплывёт строка.

* * *

Какие вторники настали
В ознобе неизбежных встреч.
И заоконные кристаллы
Похожи на оплывы свеч.

Нам в полночь кажется – мы птицы,
Достигшие святой земли.
Звезда упала очевидцем
Над оборвавшимся с петли.

Гипнозом чёрного квадрата
Угрозу смерти не решить –
В стекло окна он врос без даты,
Как антипод иных орбит.

Художник ведает всесильем,
Обожествлением живых.
Он ангелов лишает крыльев*
И светлых нимбов – всех святых.

Есть Божья сила в человеке,
Сметён опустошитель душ.
В эпоху каменного века
Кто для людей был всемогущ?

Возможно, гений ищет драму,
Иль драма сторожит его.
Но кто-то дал ему программу
И подчинил для одного.

**Страшный суд Микеланджело*

* * *

Улица.
Неизбежна встреча.
Узнана,
А судьбе перечу.
Умницей
Прохожу стыдливой.
Узница,
Но кажусь счастливой.
Ветрено
И слегка уныло.
Велено
Оставаться милой.

Музыка
Из какой квартиры?
Узренный
Бог в прямом эфире.